

18+

ЭЛЕНИЯ

песнь Серинталя

...

ЕЛЕНА ГОДУНОВА

Елена Годунова

Эленир: песнь Серинталя

«Издательские решения»

Годунова Е.

Элленир: песнь Серинталя / Е. Годунова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675658-8

Мир трещит по швам, карта ведёт не туда (или не ведёт вовсе), магия сбоит, герои спорят — и, конечно, именно в этот момент начинается путешествие. Не к спасению мира. К себе. Здесь не будет инструкций и гарантий. Но точно будут шторм, странники, древо с характером, и моменты, когда вдруг становится очень тихо — и очень важно. Иногда эта книга кажется сказкой. Иногда — зеркалом. А иногда — спутником в дороге, где всё вышло из-под контроля. Но именно с этого обычно всё и начинается.

ISBN 978-5-00-675658-8

© Годунова Е.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	7
Предисловие	8
Пролог	10
Глава 1	12
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Элленир: песнь Серинталя

Елена Годунова

Дизайнер обложки Елена Годунова

© Елена Годунова, 2025

© Елена Годунова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-5658-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Годунова

Элленир: Песнь Серинталя

© Елена Годунова, 2025

Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения автора, за исключением кратких цитат с обязательной ссылкой на источник.

Благодарности

Себе – за путь. За то, что шла, когда не знала куда. За то, что выбирала не сдаваться. За каждую попытку, каждый шаг, каждый вдох.

Моей дочери – моему самому точному мотиватору. Благодаря тебе я каждый день помню, зачем важно быть живой, настоящей, идущей вперёд.

Моему мужу – за возможность быть собой. Даже тогда, когда это «собой» не укладывалось в рамки удобства. За присутствие, за терпение, за веру.

Моим родителям – за жизнь и за опыт. За всё, что закалило, научило и дало мне крылья – пусть не сразу, но навсегда.

Моим друзьям – за безусловную веру в меня. За поддержку, за плечо рядом, за звонки, за молчание, за смех – за всё, что помогало помнить кто я.

Моим наставникам – каждый из вас вложил в меня частичку своей души.

И – тем, кто когда-то сказал:

«Ты справишься».

Я справилась.

Предисловие

Для тех, кто всегда верил.

Для себя из прошлого.

Для тебя, если ты ищешь путь.

Каждая история начинается раньше, чем кажется.

Иногда – с одного вопроса. Иногда – с усталости, которую уже невозможно игнорировать.

Иногда – с тихого «не хочу так больше» внутри.

Я не села писать эту книгу. Я сначала прожила её.

Каждой клеточкой, каждым выбором.

Сомневалась и злилась, срывалась – но снова писала.

Иногда хотела всё бросить.

А потом – снова шла.

И однажды поняла: эта история – не просто вымышленный мир.

Она стала метафорой моего пути.

И, может быть, она откликнется в чьём-то своём.

Да, здесь есть магия. Клань. Древний язык, который звучит, как эхо других миров.

Но главное – не в этом. Главное – в том, что происходит внутри.

Там, где выбор быть собой. Там, где встреча с тем, кто ты есть на самом деле.

Можно читать эту книгу как сказку. Как приключение.

А можно – как отражение.

Как возможность вспомнить себя. Почувствовать отклик. Сделать первый шаг.

Если ты держишь её в руках – значит, что-то внутри уже готово идти.

И если хотя бы одна фраза станет для тебя опорой – я писала не зря.

Путь начинается не тогда, когда виден горизонт.

А тогда, когда ты впервые решаешь идти.

С благодарностью и теплом,

Елена Годунова

Пролог

Песня, которую никто не понимал

Говорят, в самом начале был Свет. Не ослепляющий, не жгущий – а тёплый, обволакивающий. Похожий на первое утро весны. Он не сиял – он звал.

Из этого света возникло всё: небо и земля, вода и ветер, крик птицы и тишина под корой дерева. И в этом зове – первый вздох мира.

В начале был голос. Не слово, не крик – дыхание. Звук, дрожащий в корнях. Мир ещё не имел имени. Он только собирался стать собой. Он уже был ветром – до того, как появились крылья, и светом – до того, как кто-то научился видеть.

Из света и дыхания родилось древо. Его не сажали. Оно выросло само – из желания самого мира – жить. Его звали – Серинталь. (*Seryn-tal* – «звук, что удерживает мир»).

Серинталь был не просто деревом, а Осью. Его крона казалась безлиственной – тонкие ветви, как корни, тянулись к небу, будто искали забытый свет. В них жили пути. Он не имел плодов, но в его корнях хранились песни. Он не имел голоса, но его кора хранила письмена – не для глаз, а для сердца.

Каждый народ звал его по-своему. Люди – Серинталь. Ферраны – Ти'Лаэн. Духи стихий называли его просто – Дом.

Считается, что когда кто-то впервые поёт – его голос проходит сквозь один из корней древа. И если голос чист – он остаётся там, как часть живого звука мира.

Однажды кто-то попытался сделать Серинталь понятным. Покорить. Измерить. Запереть дыхание в форму. И тогда магия изменилась.

Сначала она была дыханием – теплом, бегущим по ветвям. Её не звали магией. Просто – жизнью. Но когда её захотели забрать, придать ей цену и облик, она начала меняться.

Магию стали ковать, выжигать, запоминать, продавать. Она перестала быть дыханием. Она стала инструментом.

Мир треснул. Древо ушло – в туман, вглубь, в себя. Слово отозвалось эхом – и рассыпалось.

Появились кланы, разобщённые стихиями. Магия, что текла в тканях мира, стала обрывочной. Кто-то знал, как вызвать пламя – но не чувствовал его. Кто-то лечил – но не понимал, зачем. Кто-то мечтал – но перестал верить, что мечта важна.

Некоторые не нашли свою стихию. Их называли – утраченные. Кто-то ушёл в тень. Кто-то начал создавать собственных богов – из боли и пепла.

Но кое-где – в пепле башен, в напеве у костра, в памяти воительниц и голосе ветра – звучала древняя Песнь. Не переведённая. Не объяснённая. Только ощущаемая. Шепчущая. Пронесённая шрамом. Несущая пульс.

Хаар'торрин ла сэйна вель,

Ир дорн эланн, ва лора серинталь.

Айра толь ва кирен, наара киа —

Са лем'на, са элрен, са дориа.

Так начиналась Песнь, что отзывалась в глубинах Серинталя, когда пела её сама земля. Говорили, что если спеть её в миг грозы – можно услышать, как небо отвечает.

Её помнили кланы. Напевали в детстве, забывали, потом снова вспоминали. Думали, что это просто ритуал. Но те, кто слушали внимательнее, чувствовали: внутри неё жило нечто. Память. Движение. Домой.

Говорят, один мальчик спел её, глядя на молнию, и гром ударил не в землю – а в его голос. Говорят, одна женщина спела её у истока, и вода пошла вспять. Говорят, однажды её споёт та, чьё имя – имя мира.

Говорят, что однажды Песнь заговорила сама. Никто не понял слов, но старый ферран с глазами мокрого янтаря прошептал: «Она проснулась». Его никто не услышал. Но в тот день над спящим Серинталем распахнулся кусочек неба.

Иногда барды вплетали строки Песни Грома в баллады, не зная, откуда они. В тавернах Элленира старики морщились, услышав знакомый мотив: – Не играй с такими словами, мальчик. Это песня для грозы.

А в горах, где стучит барабан грома, девочка с заплетённой в косу красной нитью пела её, не зная смысла. И ветер, казалось, узнавал:

Са лем'на... са элрен...

Мир ждал. Серинталь ждал. И та, кого ждали, – уже шла. Её шаги были ещё неуверенны. Её голос – ещё не свой. Её имя – чужое.

Пока её звали Лора.

Но в песне её имя звучало иначе.

Глава 1

Слишком тихое утро

Бывают такие дни, когда утро будто забывает включиться. Когда тишина становится не просто фоном, а главным звуком. И не поймёшь, проснулась ли – или всё ещё внутри сна.

День начался не со света, не с запаха кофе, а со слова:

– Что?!!

Сначала пропищал будильник в 7:15, хотя она его ставила на 6:30. Потом кран выдал кофе вместо воды. (Ну почти. Горько. И явно не пригодно для чистки зубов.) А затем зеркало мигнуло. Не электрическим светом. А каким-то... лесом.

– Так. Всё. Я либо схожу с ума, либо мир начал игру без моего согласия, – сказала Лора вслух, зарываясь в свитер и направляясь к чайнику.

Она заварила чай, достала свой блокнот – и как-то неожиданно серьёзно села наблюдать, как реальность разваливается по швам.

Чай остыл быстрее, чем хотелось. За окном уныло капал дождь. И не просто дождь, а такой, каким обычно плачут в недорогих мелодрамах, когда главная героиня теряет надежду, работу и зонт одновременно.

– Угу, идеально, – пробормотала Лора. – Осталось дожидаться вмешательства высших сил с посланием: «Притормози, девочка, ты опять думаешь не по инструкции».

В квартире было подозрительно тихо. Ни кота, ни холодильника, ни даже внутреннего критика. Только она и мысль: а что, если это и есть странность?

Она потянулась за блокнотом. Сны она записывала из профилактики. Вдруг это не тараканы, а предчувствие? Ну или сценарий для авторского сериала – вдруг кто-то купит.

Последний сон был особенно упорным. Лес. Свет. Шёпот. Слова:

Са лем'на... са элрен...

Она не знала, что это. Но каждый раз, когда слышала их – даже во сне – внутри что-то отзывалось. Как будто её кто-то звал, и очень тихо добавлял: ну давай же, ты почти вспомнила.

На экране телефона мигнуло напоминание:

«Сделай хоть что-нибудь. Иначе опять застрянешь между „почти“ и „не то“.»

Лора фыркнула:

– Вот бы этого внутреннего тренера пересадить в реального координатора. Пусть сам за меня что-нибудь сделает – я посмотрю, как ему понравится.

Метро жужжало и тряслось, как желудок после второго капучино без еды. Лора вцепилась в поручень и медленно переводила взгляд с человека на человека. Все были в своих мирах: наушники, ленты новостей, лица «не трогай меня до полудня».

Всё было как всегда.

А это – уже подозрительно само по себе.

В углу сидел старик. Вроде бы обычный. Только газета у него была... странная. С символами, которые двигались. Двигались. Это ведь нормально, правда? Нет? Отлично.

– Угу. Либо я сплю, либо мозг решил протестировать новый уровень абсурда без предупреждения, – фыркнула она.

Сначала мигнул свет. А потом, всего на одно дыхание, потолка не стало. Только небо. И крона дерева, светящегося изнутри. Ветка прошла сквозь вагон, как дым. Лора моргнула. Картинка сменилась, будто её и не было. Всё стало прежним. Никто вокруг не отреагировал. Конечно.

На следующей станции она вышла. Не потому что надо. Потому что хотелось. А в последнее время это было куда веселее.

На платформе пахло мокрым бетоном, кофе из автомата и чем-то ещё – едва уловимым, как дыхание, впитавшее память о другом мире. Всё выглядело обычно. Слишком обычно. Как если бы кто-то в спешке прикрыл действительность плёнкой с надписью: «ничего не происходит».

Лора поднялась наверх. И остановилась. Прямо посреди тротуара лежал лист. Весенний. Сочный. Свежий. Одинокий. Вокруг – ни одного дерева.

– Листик, ты чего? – спросила она вслух. – Заблудился?

Лист дёрнулся. Почти незаметно – словно отреагировал. Как будто услышал её. И в груди, где раньше была только утренняя тревожность, пробежали мурашки – не страха, а какого-то очень тихого узнавания. Лора вдруг поняла: ей знаком этот лист. Не умом – кожей. Как будто когда-то уже стояла здесь. Или там, где всё начиналось. И теперь – продолжается.

Она опаздывала. Уже точно. Но осталась. Потому что что-то в этом листе, в тишине, в едва уловимом дрожании воздуха говорило: «*Смотри дальше.*» Ведь когда в мире начинает происходить нечто странное – самое глупое, что можно сделать, это отвернуться.

Офис встретил её лицом Эльвиры из отдела HR – той самой, которая, по слухам, однажды довела голосовой помощник до нервного срыва.

– Доброе утро, Лора, – протянула она, как будто «утро» было обвинением.

– Да-да, солнечное, – отозвалась Лора. – Особенно внутри.

Её стол. Её ноутбук. Её привычка открывать браузер, игнорировать 12 вкладок и делать вид, что она в потоке. Но сегодня вместо привычной утренней задачи – белый экран. А сверху надпись:

«*Ты уже слышишь?*»

Она моргнула. Перезагрузила. Всё исчезло. Всё как обычно. Почти. Только кактус на подоконнике повернулся к свету. Сам.

– Ну конечно, – прошептала она. – Если мир сходит с ума – лучше с ним. Вместе уж точно веселее.

Микроволновка зазвенела – трижды, слишком чётко. Будто не сигнал – а аплодисменты. Будто что-то в мире сказало: «*Молодец. Ты заметила.*»

И Лора – впервые за долгое время – засмеялась. Совсем чуть-чуть. Но этого хватило, чтобы внутри что-то дрогнуло.

И вдруг стало не страшно, что ты не понимаешь – главное, что ты слышишь.

Глава 2

Трещина в стене

В ту ночь Лора уснула не как обычно – не с мыслями, не с тревогой, а будто кто-то щёлкнул рубильником внутри неё и оставил свет только снаружи.

Никаких сложных мыслей, никаких «надо бы», и даже не было внутреннего кино. Только темнота. Тепло. И ощущение, будто кто-то наблюдает издалека – не тревожно, а бережно.

Сон пришёл не сразу. Сначала – тишина. Потом – шелест. Затем – свет. Не ослепляющий, а мягкий, зелёный. И этот запах... как в теплице после дождя. Только это была не теплица. Это был лес. Тёплый, живой, с чуть дрожащими ветками, будто от внутреннего дыхания.

Она шла по нему босиком, но не чувствовала ни холода, ни боли. Вокруг слышался шёпот. Не слова – интонации. Ласковые. Глубокие. Узнающие.

И снова – это дерево. Массивное, упрямое в туман. Оно не казалось ей страшным. Скорее – знакомым. Дерево, которое она уже где-то видела. Или... чувствовала. Как будто было частью её сна задолго до того, как она уснула.

И на этот раз – не только дерево. На границе света, там, где ствол переходил в тень, стояла фигура. Мужская. Почти силуэт. Не страшный, не зловещий – просто... был. И смотрел. Внимательно. Спокойно. Как будто знал, кто она.

Она не могла рассмотреть лица, но ощущение осталось – будто он был не чужим. И в глазах, если бы она могла их увидеть, не было вопроса. Только знание: ты.

И от дерева – вновь зов. Слабый, но отчётливый:

Са лем'на... са элрен...

Она хотела спросить, что это значит, но проснулась.

Часы показывали 3:17. Воздух в квартире будто остановился на вдохе. Тишина была плотной, как шерсть – не пугающей, но чужой. Где-то капала вода. Лора села на кровати и на автомате схватила блокнот. Нащупала ручку, уже почти вслепую начала записывать:

«Дерево. Свет. Лес живой. Шепчут. Те же слова. Тот же зов. Чувство: это важно. Очень важно. Как будто что-то внутри знает – и боится вспомнить».

Она отложила блокнот, свернулась калачиком и снова уснула. Без снов.

На следующее утро в стене возле её рабочего места появилась трещина.

Самая обычная. Почти незаметная. Как от усадки здания. Но Лора не помнила, чтобы она была раньше. Она не смотрела на неё, но чувствовала спиной: что-то в этой трещине не просто так.

– У тебя бывало, что всё вроде как нормально, а внутри щёлкает: «Ага, я в матрице»? – спросила Лора, обращаясь к коллеге, чьё имя каждый раз вызывало внутренний квест. То ли Мила, то ли Нина.

– Только в универе. После капучино с энергетиком и парой не тех таблеток, – отозвалась та, не отрываясь от принтера.

Лора кивнула и про себя добавила:

«Ну, значит, кофе виноват. А не я. Уже утешение».

Внутри – будто лёгкий кивок от самой реальности. Как знак: *«Да, ты заметила».*

А вечером она подошла к стене. Просто посмотреть. Просто... убедиться. Сначала постояла чуть поодаль, прислушиваясь – не ушами, а чем-то глубже. Казалось, от трещины исходило не тепло – внимание. Как будто она тоже ждала её.

Провела пальцем по трещине. Сначала – просто шероховатость, как у штукатурки. А потом – вспышка тепла, как если бы кто-то приложил ладонь изнутри.

Её рука дрогнула. Спина покрылась мурашками.

Она вздрогнула и отдернула руку. Пульс бешено заколотился, как будто мозг кричал: «*Это просто физика*», а тело отвечало: «*Не ври, ты это чувствовала*».

– Окей, – прошептала она. – Реальность, я всё поняла. Но давай договоримся: ты меня не сжаришь током, а я пока что не звоню в психушку. Идёт?

Трещина ничего не ответила.

Но она была. И с каждым днём – словно вписывалась в этот мир всё увереннее. Трещина, как строка в чужом письме, становилась всё отчётливее. Иногда ей казалось, что если прислушаться достаточно долго, можно будет разобрать слова – или хотя бы услышать, как пространство дышит через неё.

На следующий день всё пошло не так с самого утра.

Сначала Лора опоздала на автобус. Потом кофе из автомата вылился на белую рубашку. А вишенкой стала встреча с начальником – Владом, или, как его прозвали в офисе, *Владимир* «*Идея – это ваш долг*».

Он подлетел к ней, как чайник на пределе – кипящий, свистящий и на удивление бесполезный.

– Лора, где правки по презентации для «СфераТек»? Я жду с утра! Мы должны были отправить ещё вчера!

– Они на согласовании у дизайнера. Вы же сами просили внести стилистические коррективы.

– Не перекладывайте ответственность! У вас один проект – вы с ним не справляетесь! У всех аврал, а вы будто в другом мире витаете!

Он ткнул пальцем в стол, почти попадая в её чашку.

В Лоре что-то щёлкнуло. Не громко. Даже не больно. Но ощутимо.

– Может, потому что я действительно уже не в этом мире, – сказала она тихо, но отчётливо.

– Что? – нахмурился Влад.

– Ничего, – вздохнула она и поднялась. – Простите. Мне нужно... выйти. Свежим воздухом подышать. Или сменить вселенную.

Она вышла, оставив за собой шлейф недосказанности и кофе с корицей.

И вот тогда, впервые за долгое время, она почувствовала странное: *лёгкость* – не ту, что от победы, а ту, что приходит после честного «*хватит*». Как будто слетела старая шкура, и под ней – не новая, а своя. Как будто кто-то внутри сказал: «*Ну наконец-то*».

Поздним вечером, когда за окном лил тягучий дождь, а в комнате гудел старый холодильник, она снова открыла блокнот. Страница, на которой она писала ночью, выглядела иначе. Слова будто поблели, потускнели, словно кто-то вынул из них краску. А между строк проступила надпись – тонкая, вырезанная, как дыхание. Не её почерком.

Ты слышишь, потому что помнишь.

Ты боишься – потому что знаешь.

Рука у Лоры дрогнула. Сердце замерло.

Она перечитала ещё раз. И не стала вырывать страницу. Только медленно закрыла блокнот, приложила ладонь к обложке и прошептала:

– Я не знаю, кто ты...

Она закрыла блокнот, откинулась на спинку дивана, уставилась в потолок и устало вздохнула:

– Вот бы это и правда был другой мир. Без дедлайнов и бесполезных совещаний. Со светящимися деревьями, говорящими волками... и логикой.

Она прикрыла глаза. И где-то под рёбрами, в самой середине, как будто кто-то зажёл крошечный огонёк. Почти как ответ.

И внутри впервые стало тихо – не пусто, а спокойно.

Словно мир сказал: «Слышу тебя».

Глава 3

Сон без пробуждения

Она проснулась не потому, что проснулась.

А потому что лицо лежало не на подушке, а на тёплом, сухом, очень реальном песке.

Песок хрустел под щекой. Шершавый, горячий, пахнувший... да чем это вообще пахнет, булочками? Корица, специи и солнечное безумие.

Где-то вдаль выкрикнула птица. Резко. Не как воробей, и не как чайка – а так, будто кто-то расцарапал небо.

– Хвост?.. – Лора села и уставилась на пушистое рыжее нечто, недовольно вильнувшее у неё за спиной. – Нет, ну хвост?.. Серьёзно?

Она быстро провела ладонями по голове. Уши. Мягкие. Заострённые. Настоящие.

– Отлично. Я не человек, я фэнтезийная лиса в броне, – пробормотала она. – Только без обучения, кнопки «назад» и кнопки «сохранить».

Паника подступала, но привычно отступила под напором старой команды: *дыши. думай. действуй.*

Она села, огляделась. Пустыня. Камни. Бездна горизонта. И абсолютное одиночество – не бытовое, а как в мифах: жар песка под ладонями, гул в ушах, и ты один на краю сказки, где никто не сказал, кто за кого.

На ней была одежда, которую точно выбирала не она: кожаный жилет, штаны, сапоги, лук, колчан. И всё это как будто знало, что ей подойдёт.

– Ну супер, – выдохнула она. – Не утро, а перезапуск. С хвостом и сюжетом.

– Ну наконец-то, – раздался рядом ворчливый голос. – Я уж думал, тебя проще пересадить в цветочный горшок, чем дожидаться.

Лора дёрнулась. Рядом сидел старик – в белых одеждах, с посохом, который выглядел так, будто вырос сам. Его лицо было спокойно, как у того, кто уже всё видел и ничего не боится.

– Кто вы?.. Где я?.. – Она поднялась на локтях, стараясь не выдать, как ноги подгибаются.

– Много вопросов, – кивнул он. – Значит, ты ещё не совсем пустая.

– Чудесно. Я коробка с браком. Только без инструкции и техподдержки.

– Поднимайся. Долго лежать – вредно. И для спины, и для мирового баланса.

Он протянул ей руку. Лора колебалась. Но всё же взялась. И сразу – вспышка. Корни, свет, ощущение, будто всё внутри дышит в унисон с чем-то большим. Как будто имя, забытое с рождения, коснулось сердца.

Она отдёрнула ладонь. Старик смотрел на неё внимательно.

– Ты из тех, кто забыла, кто она есть. Но Серинталя помнит тебя.

– Кто?.. Что?..

– Всё позже. Сейчас – иди. Скоро появятся те, кому я пока не должен попадаться.

– А вы?..

Но его уже не было. Ни дыма, ни пафоса – просто исчез. Остался только отпечаток на камне, будто он был слишком настоящим для этого мира.

Лора сделала шаг. Песок хрустнул под сапогами. Вдалеке снова крикнула та же странная птица. Воздух дрожал, как струна.
И всё в ней знало: должно случиться что-то важное. Необъяснимое. Но переломное. Она больше не хотела возвращаться.

Ведь ей было интересно. По-настоящему.

Из марева, там, где не было ни дорог, ни указателей, появлялись силуэты. Три фигуры. Двигались уверенно, спокойно – как будто знали, куда и зачем идут. И к кому.

Лора шурилась, прикрывая глаза рукой. Первая – высокая, с большой гривой волос и тяжёлой походкой. Вторая – стремительная, с ушами, будто у зайца, которые дрожали в такт шагам. Третья – тихая, почти тень, но взгляд... Взгляд был прямой, пронизывающий.

– Ну, конечно, – пробормотала она. – Потому что мало быть потерянной лисой в пустыне. Надо ещё вступить в контакт с фауной.

Фигуры приближались. Они были не враждебны – скорее, любопытны. Или осторожны. Но воздух между ними дрожал, как перед бурей, когда всё ещё спокойно, но мир уже затаил дыхание.

Лора выпрямилась. Хвост отряхнул пыль, как будто и он собирался произвести впечатление.

– Хорошо, – сказала она себе. – Если это новый квест – я хотя бы не босиком и не без оружия.

Она сжала лук. Не чтобы стрелять. Чтобы помнить: она здесь. И она – не наблюдатель.

Пусть приходят.

– Осторожно, – раздался голос. Низкий, хриловатый, с оттенком предупреждения. – Она может быть одна, но это не значит, что она безопасна.

– А ты не думал, что это я вас боюсь? – вскинула бровь Лора. – Кто вы вообще такие?

Тот, что с гривой, сделал шаг вперёд. У него были человеческие руки и кошачьи глаза.

– Мы – те, кто следит за границей. А ты – та, кто её пересекла.

– Потрясающе. Даже не успела настроить GPS, а уже нарушила что-то важное.

– У тебя оружие, – заметил третий, тот, что в тени. Голос у него был холодный, как рассвет.

– У меня есть вопросы. И плохое утро. Лук – просто способ напомнить себе, что я пока не развалилась на молекулы, – ответила Лора. – Стрелять не собираюсь. Пока.

Они обменялись взглядами – короткими, настороженными, будто искали подтверждение друг в друге. Та, что с ушами, наконец заговорила:

– Она не боится. Даже странно.

– Я не в ресурсе, чтобы бояться, – пожалла плечами Лора. – И вообще, может, вы расскажете, где я и зачем это всё? Или у вас тут принято начинать с загадок и осуждающих взглядов?

– Эльта, – спокойно сказала ферранка с ушами. – Тебя зовут Эльта.

Лора замерла.

– Что ты сказала?

– Это твоё имя, – подтвердила она. – Здесь. У нас.

Эльта только открыла рот, чтобы спросить, откуда они его знают, как вдруг ферранка, та, что с ушами, села рядом на корточки и заговорила:

– Мы не просто нашли тебя. Мы шли за тобой. Или... к тебе. Это сложно объяснить словами.

– Мы услышали, – добавил тот, что в тени. Голос у него был хриплым, чуть низким, но с каким-то странным спокойствием. – Магия иногда зовёт не фразами. Не именами. А ритмом. Ты начала звучать.

– Мы не из одного клана, – сказала ферранка. – Я – Нерри. Целительница. Мой дар – слышать то, что обычно молчит: ткани, травы, дыхание. Даже дорогу иногда слышу.

– Кайр, – представился ферран с гривой. Его голос был грубее, но не жёсткий. – Я больше по делу. Слежу за границей, иногда за теми, кто через неё лезет. У тебя – хвост, у нас – чутьё. И оно сказало: иди. Потому что это важно.

– Тейн, – тихо сказал третий. И только кивнул. Он всё ещё стоял в стороне, как будто был рядом, но не внутри круга. – Я просто слушаю. А когда надо – действую.

Нерри улыбнулась:

– Мы – ферраны. Не клан. Не деревня. Мы – как след. Рождаемся в разных местах, иногда в людских семьях. Нас не выбирают. Мы просто... есть. Нас не всегда понимают. Иногда боятся. Иногда уважают. Но мы знаем: сила не в том, чтобы владеть. А в том, чтобы чувствовать.

– Ты была в песне, – снова сказал Тейн. – Мы слышали её. Сквозь сны. Как зов. Как огонь под кожей. Имя звучало в ней – твоё. Сначала слабо. Потом всё громче. Пока не стало невозможно не прийти.

– И это не значит, что мы всё про тебя знаем, – заметил Кайр. – Мы просто сейчас рядом. Потому что так – правильно.

– Но ты выбираешь, Эльта, – добавила Нерри. – Не мы. Не зов. Не магия. Ты.

И только после этого они замолчали. А Эльта почувствовала, как что-то внутри, на уровне самой сути, отзывается: да. Это – не просто начало. Это – встреча.

Имя кольнуло в груди – не болью, а ясностью. Будто кто-то коснулся струны, которая давно молчала, и она ответила звоном. Не новым, не чужим. А тем, что всегда был её, просто забыт.

Она медленно выдохнула. Голова ещё пыталась протестовать, но сердце уже знало.

– Эльта, – повторила она. – Ладно. Пусть будет так.

– Почему вы говорите так как будто давно меня знаете? – спросила она уже тише, но настойчиво.

Ферранка посмотрела прямо в глаза:

– Мы не знаем. Мы чувствуем. Имя – не ярлык. Оно звучит в тех, кто готов услышать.

– Это, простите, сейчас было красиво, но ни черта не понятно.

– Ты пришла не одна. Внутри тебя – голос, зов. Мы слышали его во снах, среди ветра и корней. Имя звучало не громко, но ясно. И мы пошли – не потому, что знали, кто ты, а потому что знали: ты важна.

– Супер. Теперь ещё и мюзикл по мотивам моей личности, – пробормотала она.

Но внутри дрожало. Не страх. Не смех. Что-то глубже.

– Мы идём на север, – сказал ферран с гривой. – Там ты узнаешь больше. О себе. О песне. О том, что ждёт.

– А если я не пойду? – Лора – нет, Эльта – подняла подбородок.

– Тогда путь всё равно найдёт тебя, – отозвался теневои. – Но будет больше.

Ферранка улыбнулась – впервые. Не уверенно, но по-человечески.

– Ты можешь идти с нами. Или сама. Но ты уже в пути, Эльта. Это не сон.

Она посмотрела на троицу. Замерла, будто взвешивая между доверием и страхом, словно внутри что-то ещё решало, прежде чем позволить шагу случиться. Не спеша. Как будто замерла между решением и шагом. Песок под ногами был всё таким же горячим. Мир – всё таким же невозможным.

Она молчала.

Пойти с незнакомцами – звучало глупо. Остаться одной в пустыне – звучало не лучше. А вернуться? Не было «обратно». Только это странное, пульсирующее ощущение, что дальше – не позже, а сейчас.

– Я не верю вам, – тихо сказала она. – Но... себе я верю ещё меньше. А мне ведь что-то подсказывает, что вы часть ответа.

Она посмотрела на них снова. Не глазами, а чем-то глубже. Как будто та самая внутренняя струна, на которую отозвалось имя, снова дрогнула. И в этих троих она почувствовала...

не ответы, нет. Но путь к ним. Эхо чего-то утерянного, но родного. Присутствие, от которого не хотелось бежать.

– Ну что ж, – выдохнула она. – Вперёд. Надеюсь, у вас хотя бы есть вода. И хотя бы кто-то один умеет варить вкусный чай. Потому что моё доверие к мирам без чая – крайне ограничено.

Глава 4

Карта, которой нет

Они шли уже не первый день.

С каждым днём Эльта всё меньше чувствовала себя туристкой с потерянным навигатором. В их ритме, в той сухой сосредоточенности, с какой они шли, – было нечто упорядоченное. Не комфортное, но точное.

Теперь она знала их имена. Не просто «вот этот с гривой», «вот эта с ушами», «вот тот, что исчезает». Теперь они были: Кайр – прямой, как выстрел, и такой же резкий, когда знал, что прав. Нерри – тихий шторм, могла говорить мягко и резать напополам. И Тейн – как будто собран из взглядов и пауз. Никогда не первый, но всегда внимательный.

Слова на пути были роскошью, которую они себе почти не позволяли. Но на одном из привалов, когда костёр догорел до тлеющих углей, Нерри всё же сказала:

– Мы не те, кто рассказывают. Мы – те, кто идёт. Но ты можешь спрашивать. Просто не жди ответов раньше времени.

Потом она замолчала. И это тоже был ответ.

– А у меня какой зверь? – усмехнулась Эльта. – Лиса с перекосом в драму?

Нерри усмехнулась, но не ответила. Только сказала:

– Ты – нечто возвращающееся. Это редкий зверь.

После этого они шли в тишине. Но теперь она не казалась чужой.

Песок стал привычным, как шум города – вроде не слышишь, а он гудит под кожей. Ферраны пили воду короткими глотками, двигались как тени и всегда знали, куда ставить ногу. Эльта всё ещё ловила себя на желании спросить: «Куда мы идём?» – но каждый раз удерживалась. Ответ казался... неважным. Или не для сейчас.

Вечером, когда солнце сдулось, как перегретый апельсин, они добрались до места привала. Каменный круг – будто когда-то это было святилище. Песок засыпал всё внутри, но по периметру торчали обломки колонн, а в центре – плита. Треснутая, выцветшая, словно сама устала стоять.

Ферраны разошлись молча. Кто-то занялся костром, кто-то развернул плащ. Эльта осталась в центре круга. Почему-то хотелось посидеть именно там.

Песок ещё хранил жару дня. Он обжигал плечи и щёки, но она этого не чувствовала – только дрожь в груди и звон в ушах. Дышала часто, как после бега, хотя не понимала, от чего убегала. Или от кого. Или – от себя.

Вокруг – пустыня. Не просто широкая, а безмерная. Воздух колебался, будто над костром. Один сапог соскользнул, и Эльта, ругаясь себе под нос, присела, чтобы поправить его. Именно тогда она его и увидела.

Росток.

Серо-зелёный. Почти прозрачный. Хрупкий намёк на жизнь там, где ей не место.

Он не рос. Он держался.

Не упрямо. Не героически. Просто – был.

И в груди у Эльты что-то дрогнуло. Как будто внутри неё кто-то повернул ключ. Или зажёл лампу.

– Я... видела тебя, – выдохнула она. – Во сне.

Росток качнулся. Может, от ветра. Может, от неё.

Никакого знака. Но всё внутри замерло. Как перед чем-то важным. Не громким. Но настоящим.

Она медленно опустилась на корточки. Коснуться – не коснулась. Но рука зависла рядом.

И тогда... она вспомнила.

Мгновение – тихое, как вдох перед словом. В котором душа будто достала из глубины фрагмент, ускользнувший сквозь пальцы. Не воспоминание – чувство. Как если бы мир когда-то уже говорил с ней этим образом – ростка, нежного и несломленного.

Сон, забытый много лет назад:

Она стояла босиком на тёплой земле. Вокруг – ночь, мягкая, как шерсть. Спокойная.

В темноте летел светлячок. Он не звал – просто был.

Она пошла за ним. Вокруг – шёпоты: «Она идёт... Она помнит...»

Светлячок опустился. И она увидела не свет, а лист.

Маленький. Серебристо-зелёный.

Она дотронулась до него. И сердце – не её, а мира – ударило. Гулко.

Она заплакала.

А потом проснулась. С пустотой внутри. И ощущением, что где-то есть что-то, что зовёт её по имени.

До этой встречи. До этого ростка. До того, как сердце вспомнило то, что разум давно отложил в сторону.

– Он был со мной с самого начала, – сказала она вслух. Но, кажется, уже никому.

– Верно, – раздался рядом голос.

Он возник не снаружи, а как будто внутри круга её внимания. Как песчинка истины, которую больше не удавалось игнорировать. Совсем другой голос, чем у ферранов. Спокойный. Глубокий.

Эльта резко обернулась.

Мужчина. Высокий. Словно соткан из песка и тени. Волосы – как пепел, глаза – цвета тёплого янтаря.

В руках – книга. Потёртая, без названия. Закрытая.

– Вы... откуда?..

– Я там, где начинается путь, – ответил он. – И ты уже на нём.

Он протянул ей книгу.

– Это карта. Но она не покажет тебе всю дорогу. Только то, что уже звучит внутри. Как эхо. Или как свет, который видишь только тогда, когда готов открыть глаза.

Эльта взяла её. Книга будто дышала. Её поверхность была шероховатой, как кора, и от неё исходило тепло – не жар, а присутствие.

Она открыла её. Внутри – одна точка. Маленький символ, напоминающий лист ростка. Всё остальное – пусто.

– Пусто?.. – спросила она. – Или ещё не видно?

– Не всё открывается сразу. Ты ведь не сразу узнала даже своё имя.

Она хотела спросить ещё. Но его уже не было. Ни шагов. Ни силуэта.

Только книга в руках. И росток рядом.

И внутри – тишина. Та, в которой звучит начало.

Она вернулась к костру, уже догорающему. Тейн поднял взгляд – коротко, будто проверяя, всё ли на месте. Кайр отодвинулся чуть в сторону, освобождая для неё место на выветренном камне. А Нерри протянула флягу.

– Ты нашлась, – спокойно сказал Кайр.

Эльта села. Книга – рядом, закрытая. Словно сон, слишком живой, чтобы рассказать.

– Просто... увидела то, что было рядом. И давно ждало.

Ферраны не задали ни одного лишнего вопроса. И она вдруг поняла – это редкость. И, может, роскошь.

Где-то в глубине книги – почти неощутимо – тепло пульсировала точка. Одна. Но от неё разрастались едва уловимые линии. Как будто путь уже начинался – просто ждал, когда она сделает первый шаг.

Ночь накрыла пустыню. Но внутри Эльты теперь не было пусто.

Наутро песок уже не был врагом – просто ещё одним фоном. Воздух становился светлее, сдержаннее, как будто и он ждал, когда они двинутся в путь.

Каждый из ферранов двигался по-своему: Тейн тщательно укладывал бурдок в боковую сумку, Кайр поправлял перевязь с таким видом, будто она часть ритуала, а Нерри – насвистывала почти беззвучную мелодию, перекладывая плащи. Всё было просто, спокойно, будто происходило уже сотни раз.

Тишина была другой – не пустая, а наполненная вниманием. Как будто мир сам прислушивался.

За несколько шагов до ухода она вдруг задержалась. Обернулась. И как будто услышала внутри: «Ещё не поздно». Это не был страх. Это был выбор. И в этот раз – её.

Эльта бросила взгляд на росток ещё раз – быстро, почти мимоходом. И он всё ещё был там. Маленький. Неприметный. Но как будто напоминал: ты – здесь. И ты не случайна.

Тейн проверил воду. Нерри тихо насвистывала незнакомый мотив, завязывая плащ. Кайр подошёл к Эльте. Глаза у него были серьёзные, но без давления – будто спрашивали не о планах, а о внутренней готовности:

– Готова?

Она кивнула. Книга была у неё за спиной – как будто теперь шла с ней, не навязываясь.

– Не знаю, куда мы идём, – сказала она. – Но теперь я точно иду.

Кайр кивнул. И они тронулись.

Сначала – шаг. Как в танце, когда не знаешь мелодии, но чувствуешь ритм. Потом – второй. Потом шаги превратились в движение, а движение – в путь. И он уже не спрашивал разрешения быть настоящим. Это было начало, которое больше не требовало доказательств.

Эльта улыбнулась краем губ – не кому-то, а просто вперёд. И впервые за всё это время подумала: «Похоже, я наконец-то иду туда».

Глава 5

Оскольчатые города

День начинался, как и все последние: солнце злилось, песок был повсюду – в одежде, в мыслях, даже между страницами книги. А ферраны оставались такими же молчаливыми, будто так было всегда – не от сдержанности, а по привычке. Эльта уже почти смирилась с тем, что её спутники – это ходячий философский вопрос без знаков препинания. Они не любили говорить, но их молчание было не пустотой – а тканью. Иногда – как мантия спокойствия. Иногда – как доспех упрёка.

Сегодня – определённо второе.

Впереди, как забытая картина, выросал Лорен’таль – главный фрагмент Оскольчатых городов. Башни дрожали в мареве жара, словно вытянутые пальцы неба, растущие вопреки. Сначала Эльте показалось, что это мираж: линии зданий были слишком нереальными, будто тени скрутились в архитектуру. Но с каждым шагом она ощущала, как нечто внутри сжимается: эти башни были не разрушены – они были разломаны. Как зеркало, ударившееся о каменный пол мира. И каждый осколок отражал что-то утерянное.

– Красиво, – пробормотала она. – В стиле «переосмысление урбанизма в духе катастрофы».

Кайр коротко кивнул:

– Лорен’таль. Остальное – осколки.

Город встретил их тишиной. Не пустотой – именно тишиной, густой, вязкой, как старый мёд. И взглядами. Они не бросались в лицо – но были. Из-под капюшонов, из-за узких окон, из-за изгибов улиц. Будто город знал: кто-то пришёл, кто не должен был. Или наоборот – должен. Местные – если это были местные – просто проходили мимо. Высокие фигуры с бледной кожей и светящимися глазами – эль’эри. Мрачные, с металлическими вставками на коже – дельмарийцы. И ещё кто-то... почти люди, почти звери, почти тени. Иногда казалось, что они не живут здесь – они остались.

На площади стоял обелиск. Обветшалый, но целый, будто сам воздух оберегал его. На поверхности – три точки. И выжженный фрагмент слова:

Ser—

Книга у неё за спиной дрогнула. Совсем чуть-чуть. Будто страница сама подумала: «О! Мы здесь». Страница внутри чуть потемнела, будто впитывая этот знак.

Нерри подошла ближе и провела пальцами по камню:

– Ты чувствуешь?

– Я вообще чувствую слишком много с тех пор, как обзавелась хвостом, – пробормотала Эльта. – Но если ты про магию – да. Здесь что-то есть.

– Значит, ты по-настоящему здесь, – Нерри кивнула, будто утвердила для себя нечто важное.

Тейн подошёл к обелиску, ткнул его пальцем и резко отдернул руку.

– Живое. Но спит. И, судя по всему, не любит будильники.

Эльта не выдержала – подалась вперёд и положила на камень ладонь. Неуверенно. Как будто прощупывая не поверхность, а порог. И в тот миг – не камень, а весь город затаил дыхание.

Мир качнулся.

На мгновение она увидела улицу – залитую светом, с людьми в сияющих одеждах. Смех, звуки музыки, парящие фонари. Башни, что пели ветру. И три точки. Светящиеся. Пульсирующие, как сердце.

А потом всё исчезло. Оставив только пустоту – и странную тоску по тому, чего никогда не было.

Она вздохнула.

– Нам нужно дальше. В другие фрагменты, – сказала она, не оборачиваясь.

Кайр первым двинулся вперёд, не глядя на неё. Остальные – за ним, будто откликнулись на зов, прозвучавший без слов.

За полуобвалившейся аркой начинался Дворец. Или то, что от него осталось.

Камень здесь был другим – не таким, как на улицах. Менее пыльным, более... звенящим. Как будто стены помнили, как быть важными.

– Тут заседали правители, – сказала Нерри, проводя пальцами по барельефу. – Говорят, один из них когда-то ввёл налог на молчание.

– И что?

– Город замолчал. Навсегда.

– Легенда с налётом драматургии, – заметила Эльта. – Одобряю.

Они вошли в зал с полуразрушенным куполом. Камни под ногами отзывались не звуком, а чем-то... тяжёлым. Как будто ты идёшь по чужим воспоминаниям.

В одной из комнат – круги на полу. Как в её книге.

– Я чувствую здесь... глубину, – пробормотала Эльта. – Как будто камни помнят, а я – вспоминаю вместе с ними.

На стене – фрагмент карты. Светящийся, как бы изнутри. В центре – три точки и плавная линия, как дыхание. Почти буква S.

Книга за её спиной раскрылась сама. Лист стал влажным, как от росы, и на нём проступила дорога.

– Нам сюда, – сказала она, и впервые никто не спросил, почему.

В другой части города она заметила ребёнка. Он сидел у разрушенной колоннады и чертил пальцем в пыли.

– Что рисуешь?

– Мама говорила: если соединить три звезды, найдёшь дорогу домой. Я пока не нашёл.

Он вскочил и убежал, как будто испугался собственной искренности. На земле остался узор – три точки и линия. Не карта. Не знак. Но Эльта почувствовала, как внутри отозвалось.

Дальше был барельеф. Наполовину засыпанный, но чёткий. Символы, похожие на корни, вплетались в круг. Надпись:

«...там, где встречаются Зов, Помнящий и Древо...»

– Они знали, – прошептала Эльта. – Просто забыли, как это звать по имени.

Следующий зал пел.

Нет – он помнил, как петь.

Каждый шаг отзывался звуком, словно пол был клавишами древнего инструмента. Первая нота – звонкая. Вторая – глубокая, как сумерки. Третья – почти стон.

– Музыкальная загадка? – предположила Эльта.

– Или концерт по заявкам древних, – добавил Тейн. – Главное – не сыграть гимн войны.

Архив. Половина свитков – пыль. Но в нише, в углу – свиток. Не тронутый временем.

– Кто-то оставил это специально, – сказала Нерри. – Или... кто-то ждал.

Свиток открывается с лёгким шелестом. Почти стёртые слова:

«...имя нельзя говорить. Но если его слышишь – ты уже часть Песни.»

В центре зала – пьедестал. Идеальный по форме. Она уже подняла руку – положить туда свою книгу – но остановилась.

– Ещё нет, – сказала она. – Ещё рано.

И последнее место – зал чаш. Там даже воздух будто боялся пошевелиться. Слово даже пыль там затаила дыхание. Большинство чаш – разбиты, расколоты, словно кто-то однажды

не смог сдерживать бурю. Но одна – целая. Бронзовая, тяжёлая, с узорами, как круги на воде. Живые, если смотреть достаточно долго.

– Резонатор, – сказал Кайр. – Говоришь правду – она отзовётся.

Эльта подошла ближе, провела пальцами по ободу. Металл был тёплый, будто впитывал прикосновение. Она наклонилась, приложила губы и прошептала:

– Я здесь. Я не знаю, зачем. Но слышу.

И чаша дрогнула. Как будто внутри неё – не звук, а воспоминание. И оно решилось заговорить.

Голос был тёплый. Узнаваемый. Тот самый, из её сна:

– Я тоже.

У неё защекотало в груди. Мурашки. Или магия. Или всё вместе.

Последняя точка – площадь. Мозаика пяти стихий: огонь, вода, металл, дерево, земля.

В центре – пусто.

– Почему нет символа? – спросила Эльта.

– Потому что тот, кто соединяет – приходит сам, – отозвался Тейн.

Камень под её ногами вспыхнул зелёным.

И в этот момент город – да, определённо – улыбнулся ей. Не улицами. Не плиткой. А чем-то большим. Как будто узнал – и согласился.

И когда они покинули этот фрагмент, Эльта обернулась. Лорен'таль больше не казался сломанным. Он был осколком, но не обломком. И в каждом треснувшем контуре она теперь видела не только прошлое – но и силу того, что пережило разлом.

Внутри книги тихо светилась линия.

Путь продолжался. Но теперь она знала, что этот мир не просто принимает её – он ждёт.

Глава 6

Город без улиц

Они пришли в Кей-Архем под вечер – тот самый час, когда небо ещё светлело, но всё вокруг будто выцвело и стало блеклым эхом дня. Эльта почувствовала, как с каждой минутой на плечи опускается не просто тень, а груз чужих воспоминаний. Что-то в этом городе сразу заставляло сжаться изнутри – как будто он знал о ней больше, чем она сама.

Ветра не было. Песок лежал недвижно, как покрывало на забытом теле.

Город не встречал их. Он... выжидал. Словно рещал, достойны ли они услышать то, что он сам уже почти забыл.

Никаких криков, рынков, ни детского смеха, ни собачьего лая. Только здания – сросшиеся, перекошенные, без чёткого ритма. Как будто когда-то здесь была структура, но её раз – и стёрли, оставив только тени.

– Где улицы? – спросила Эльта, оглядываясь.

Тейн хмыкнул:

– Именно. Где?

Каждый поворот – будто знакомый. Каждый тупик – как уже пройденный. Эльта шагала вперёд, но через несколько минут вновь оказывалась у той же трещины в стене, у той же двери с выщербленной ручкой.

В первый раз она списала это на усталость. Во второй – на совпадение. На третий... остановилась.

– Мы ходим по кругу, – сказала она. – Но даже не замечаем, как.

Кайр присел у обломка фонтана, провёл пальцами по камню:

– Здесь магия не течёт. Она... крутится на месте. Как вода в чаше.

Нерри молчала. Её глаза были закрыты, как будто она слушала не город, а собственную кровь. У неё был свой способ чувствовать – не смотреть, а вращать. Вращать в магию, как корень в землю.

Иногда она казалась холодной, но это было не безразличие – а внимательность. Она не говорила, пока не знала, что сказанное не нарушит тишину.

Нерри была из тех, чью магию не видно – но она есть. Стихия Земли давала ей способность чувствовать больше, чем видеть: колебания под ногами, сны камней, напряжение почвы. Она умела слушать мир там, где другие только шагали. И чем тише становилось вокруг, тем громче для неё звучали следы прошлого.

– Он не хочет отпустить, – сказала она наконец. – Кей-Архем – как память, которую не можешь отпустить. Даже если хочешь.

На одном из перекрёстков они увидели женщину – или её тень. Она шла вперёд, и в следующий момент вновь возникала с другой стороны. Повторяла движения. Одни и те же. Шаг – поворот головы – рука к груди. Снова и снова.

Как заезженная пластинка. Как петля, выточенная из времени.

У Эльты похолодело внутри, как будто тело вспомнило, каково это – не выходить из круга.

– Это... застрявшие? – прошептала Эльта.

– Или отражения, – сказал Тейн. – Иногда магия цепляется за то, что было.

Эльта подошла к стене, на которой рос мох – живой, хоть и тусклый. Положила ладонь. Почувствовала... не зов. Привычку. Как будто сама когда-то жила здесь. Ходила по этим улицам. Повторяла.

И тогда она услышала – не голос, не зов, а дрожь мысли. Своей. Старой.

Как будто город достал из неё строку, которую она сама когда-то писала и давно забыла.

Словно Кей-Архем показывал ей эхо того, кем она была, когда ещё не знала, что ищет путь.

«Останься. Здесь хотя бы ничего не болит. Здесь всё знакомо.»

– Нет, – сказала она вслух. – Мне не нужен круг. Мне нужен путь.

Книга-карта за её спиной едва заметно щёлкнула.

И впервые – в одном из проёмов – мелькнул свет. Новый. Не отражение. Не повтор.

Они пошли к нему, не оглядываясь.

В центре Кей-Архема они нашли Зал Имён – круглое здание, скрытое в земле. Чтобы спуститься, пришлось на ощупь идти по ступеням, обрамлённым светящимися в темноте символами. Внутри было тихо. Ненормально тихо.

На стенах – бесконечные ряды знаков. Имена. Не написанные, а выжженные.

Нерри прошептала:

– Это не список живших. Это список тех, кто застрял.

Они шли вдоль стены, пока Эльта не увидела имя. Одно. Лаконичное. Врезанное глубоко.

Не «Эльта». А «Лора».

И воздух вокруг будто стал гуще, как перед грозой.

Она замерла, будто кто-то внутри нажал на невидимую паузу.

– Ты не была здесь, – сказал Тейн. – Но ты могла быть.

Она выдохнула. Медленно. Как будто отпускала то, что носила слишком долго.

И прошла мимо – шаг за шагом, возвращаясь к себе.

Перед выходом Нерри остановилась. Она выглядела так, будто прислушивалась к дыханию самого зала. Затем подошла к стене, коснулась одной из рун. Она вспыхнула – и снова потускнела.

– Это место не злое, – сказала она. – Просто... забытое, как быть живым. Оно похоже на воду, что стояла слишком долго. И всё, что в ней было, стало осадком.

Она провела ладонью по знаку и прошептала что-то, как будто знала язык, на котором говорят мхи и камни.

Эльта уловила только одно слово:

– Отпусти.

И на мгновение – будто прошёл ветер, и свет на стенах чуть дрогнул.

Ночью, в лагере среди перекошенных стен, Эльта увидела сон.

Она стояла на площади Кей-Архема. Воздух был густым, влажным, пахнул забвением и пеплом. Тишина давила, как пелена, но в ней – вой. Один, отчаянный, будто кто-то звал её издалека.

Она обернулась – и увидела его.

Серый, высокий, с умными, почти человеческими глазами. Волк. Тот самый, которого она видела во снах ещё там, в своём старом мире. Он стоял, словно тень между мирами. Его взгляд не умолял и не упрекал – он ждал. Он был ранен – не физически, а как будто его суть была истончена. Как будто город вплёл его в свою петлю, вытянув нить из самого его сердца.

– Ты... ты знал меня? – прошептала Эльта, и голос её дрогнул.
Волк подошёл. Присел. И склонил голову.
В знак доверия. Узнавания.
– Ты всегда был со мной, да? Я просто не слышала.

Она протянула руку. Её пальцы утонули в шерсти – мягкой, но как будто искрящейся напряжением.

И в этот момент – мир перевернулся, и она проснулась.

Светало. Мир ещё не проснулся, и всё казалось зыбким.

Но он – был.

Рядом, на краю круга, в тени у стены. Настоящий.

Такой же, как во сне.

Глаза – те же. Внимательные. Чуть грустные. Как у того, кто помнит слишком много.

– Привет, – сказала она. – Ты... останешься?

Он не ответил. Просто подошёл ближе и лёг рядом.

Тишину нарушил Кайр, появившийся с другой стороны круга с вяленным мясом в одной руке и чашкой в другой:

– Ну наконец-то. А то я уже начал думать, что у нас коллективные галлюцинации.

Нерри хмыкнула:

– Даже галлюцинации у нас с характером.

– И с глазами, – добавил Тейн, не глядя. – Которые видят лучше, чем мы иногда.

– Надеюсь, он не храпит, – сказала Эльта, поглаживая волка по загривку.

На что волк открыл один глаз. И снова закрыл – с видом существа, которое умеет проигнорировать ироничное человеческое.

– Всё. Принят, – подвела итог Нерри. – Не храпит. Не возражает. Выдержал проверку юмором.

Эльта смотрела на него долго, не отводя взгляда.

Будто читала историю – строчка за строчкой – вписанную в шерсть, в походку, в тишину между вдохами.

Волк был не просто волком.

Рийвен.

Имя пришло, как будто из глубины, где спят забытые слова.

Оно не требовало подтверждения. Оно было правдой.

– Рийвен, – повторила она. – Добро пожаловать.

Он поднял взгляд. В нём – безмолвие, путь, одиночество. И – стая.

Он не был питомцем. Он был отражением. Тенью её силы.

Словом, которое не нуждается в голосе.

Приходит – когда нужно. Исчезает – когда надо пройти самой.

И всегда... возвращается.

Свет в проёме впереди стал ярче.

Теперь они были не вчетвером. А впятером.

С волком.

С памятью, которая выбралась из круга.

С шагом вперёд.

И этот шаг уже не был одиночеством.

А если и был – то из тех, что не пугают, а собирают силу перед следующим.

Глава 7

Лес Эха

Лес возник не сразу. Сначала был запах – свежий, влажный, как после дождя, которого никто не ждал. Потом – ритм. Не пение птиц, не шелест травы, а дрожь, будто лес дышал в такт с их шагами. Только когда тень от первого дерева упала на песок, Эльта поняла: они дошли до границы.

– Это он? – спросила она у Тейна.

– Лес Эха, – коротко кивнул тот. – В нём не говорят. В нём слушают.

Рийвен остановился первым. Его шерсть чуть поднялась, уши насторожились. Он сделал один шаг – и замер. Потом ещё. А потом – исчез между стволов.

– Он знает дорогу? – спросила Эльта.

– Он не ведёт. Он проверяет, – сказал Кайр. – Если он не вернётся, значит, ты не готова идти.

Она кивнула, но внутри кольнуло. А вдруг не вернётся? А вдруг... она опять останется одна?

Но он вернулся. Без звука. Просто появился из леса и остановился напротив. Глаза – янтарные, как первое солнце на горных склонах. Он посмотрел на неё и пошёл вперёд. И она пошла за ним.

Шаг в лес – как вдох. Воздух менялся. Становился плотнее. В нём было меньше света, но больше цвета. Меньше запахов – но каждый точеный, глубокий, как воспоминание, которое не пускает.

Каждый шаг – отзвук. Каждое движение – эхо. Не звука. Чувства. Мысли. Памяти. Эльта вдруг поняла: здесь слышат не уши.

Лес стоял будто бы в напряжённой тишине. Ни птиц, ни треска веток – только шелест, как будто кто-то дышал сквозь листья. Эльта не шла – она проскальзывала, стараясь не потревожить. Не из страха, а из ощущения... будто она в храме.

На повороте тропы деревья вдруг плотно сомкнулись, и где-то в глубине ветвей, совсем рядом и бесконечно далеко, прозвучало:

– Сер...

Шёпот. Едва уловимый, как имя, которое почти забыл. Эльта обернулась. Никого.

– Ты слышишь?..

Это уже не было голосом. Это было изнутри уха, изнутри груди. Как будто мир задал вопрос, но не ожидал ответа.

Она сделала шаг назад. И в этот момент шорох утих, листья затрепетали, и всё стихло – даже собственное дыхание.

Сер...

Слово звенело в ней, как сон, ускользающий до того, как успеешь его назвать. Она вдруг поняла, что знает это имя, но не знает, откуда. Оно лежало где-то глубже мыслей, в тени её настоящей памяти.

– Сирин? Селар? Сэран?.. – перебирала Эльта вполголоса, как будто перебирала струны, надеясь на правильный аккорд.

Но лес молчал. И только одна фраза всплыла из ниоткуда, как старинная загадка:

– Имя будет названо тогда, когда ты станешь тишиной.

И тогда лес заговорил. Не словами. Сначала – шелестом. Потом – стоном. А потом... её голосом.

– Зачем ты пришла?

Она обернулась – но никто не говорил. Это был не вопрос. Это было... повторение. Голос, который она когда-то произнесла. Или хотела. Или боялась. Лес Эха начинал петь её собственную песню.

Сначала пришло лицо. Из темноты. Мамино. Улыбка натянута, голос мягкий, как всегда, но в глазах – тревога. Она не помнила, сколько ей было лет тогда. Но точно помнила фразу:

– Ты же умная девочка, правда? Подумай, что скажут другие люди. Не надо меня позорить.

И следующая тень в лесу – она сама. Малышка. Сжавшая руки в кулаки. Не из силы – из безысходности.

Шорох из глубины будто откликнулся на её боль. Эльта остановилась.

– Это не страх. Это было. Я... помню.

– Тогда зачем ты пришла? – повторил лес.

И тут ударило. Словно кто-то разжал её грудную клетку изнутри. И вместо воздуха – плач. Не её. Но знакомый. Детский. Сдавленный. Похожий на её собственный, когда-то. Или – на тот, что она подавила.

– Стой! – крикнула она. – Хватит! Я не ребёнок! Я не обязана...

Рийвен подошёл. Касание морды к её ладони – и всё затихло. Лес Эха слушал. И она – дышала.

– Я пришла, чтобы услышать. Но не утонуть.

Деревья шевельнулись. Шорох. И тишина. Принятие. Лес не уничтожал. Он вспоминал вместе с ней. И первый шаг был сделан.

Она остановилась у дерева, прикоснулась к шершавой коре – и вдруг заметила: к её сапогу прилип лист, похожий на ухо. Причём левое. Нерри бы сказала, что лес так слушает в ответ. Эльта усмехнулась про себя – даже здесь не обошлось без странных намёков.

Но лес не закончил. Он не знал жалости. Он знал – глубину.

Следующим было зеркало. Не настоящее – чувство. Отражение. В каждом стволе, в каждой тени – лицо. Её лицо. Но чужое. Слишком уверенное. Слишком громкое. Как будто кто-то другой жил её жизнью. Работал, говорил нужные слова, улыбался там, где хотелось кричать.

– Ты ведь хотела нравиться. Быть хорошей. Успешной. Удобной, – шептал лес её же голосом. – И ты старалась. И забыла, кто ты.

Перед ней мелькали сцены – работа, за которую не болело сердце. Отношения, в которых нужно было притворяться. Праздники, где она смеялась не своим смехом. И ещё – моменты, где она осмеливалась быть собой. Высказывала то, что чувствовала. Делала, что хотела. И в ответ – тишина. Или раздражение. Или отстранённые взгляды, как будто её желания были слишком громкими, чтобы их слышать.

– Ты пыталась. Ты показывала себя. Но мир молчал. Или говорил: «Помолчи».

– Сколько раз ты сказала «да», когда хотела уйти?

– Сколько раз ты промолчала, когда было больно?

– Сколько раз ты выбрала не себя?

Эльта стояла, и плечи тряслись. Не от страха. От узнавания. Сердце билось, как будто его пытались разбудить. Не от ужаса – от правды. Слёзы лились сами.

– Это больше не я, – выдохнула она. – Это... было. Но теперь так не будет.

Слова дрожали, как лёд, долго державшийся под солнцем. И всё же треснувший.

И тогда пришло чувство. Не облегчение – опустошение. Как будто кто-то вымел изнутри всё лишнее: старые роли, чужие маски, ожидания. Осталась она. Глубинная. Без украшений. Без защиты.

Тишина. А потом – один звук. Щелчок. Как будто открылась дверь. Внутри. Что-то отпустило. Как будто цепь соскользнула с сердца.

И внутри стало тихо. Но не пусто. А спокойно. Как утро после грозы.

И в этот момент – голос. Не внешний. Её:

– Я есть. Я здесь. И я слышу.

Рийвен тихо зарычал – не угрожающе, а как утверждение. Как будто он услышал это вместе с лесом. И согласился.

И тогда лес зазвучал по-новому. Не эхом боли – эхом силы. Не воспоминанием – возможностью. Она больше не была гостьей. Она была частью этого места.

И шагнула дальше.

На выходе из леса её ждали. Кайр, Тейн, Нерри. Стояли молча – не потому что не знали, что сказать, а потому что чувствовали: момент требует тишины.

Эльта вышла из теней, как будто несла за спиной саму ночь. Лицо было бледным, но глаза – сияли. Не блеском победы. А светом узнавания.

– Всё в порядке? – спросил Тейн, и голос его прозвучал мягче обычного.

Эльта кивнула.

– Я теперь лучше знаю, кто со мной в этом пути, – она погладила Рийвена по шее. – И кто – я сама.

Нерри чуть улыбнулась:

– Лес возвращает то, о чём ты сама боялась вспомнить.

Кайр смотрел долго, потом хмыкнул:

– Ну, если ты после Эха ещё жива – значит, точно не просто так к нам пришла. Выдержала всё это без истерик. Что, кстати, редкость – у нас даже деревья терапию прошли.

Нерри шагнула ближе, коснулась локтя Эльты и тихо сказала:

– Главное – ты слышишь себя. А остальное... догонишь по дороге.

Эльта не ответила. Но в её шаге стало больше устойчивости.

Словно лес не просто отпустил её, а вложил что-то незримое – не силу, не знание, а разрешение. Идти. Не убегая, не оглядываясь. А принимая. Свою правду. Себя.

В дыхании – спокойствие. В молчании – смысл.

Их шаги растворялись в тишине – уже не как бегство, а как выбор.

Шла не та, что вошла в лес.

Шла та, кто вернулась к себе.

Вперёд – в себя, в путь, в то, что станет новым началом.

Глава 8

Башня Безмолвия

Башня появилась внезапно – как будто выросла из скалы, пока они не смотрели.

– Ага, типичная башенная подстава, – пробормотала Нерри. – Пока отвлекся на жажду – бац, архитектурное озарение.

– Ну хоть не очередной лес, – откликнулась Эльта, вытирая лоб. – Я уж думала, нас прокляли на вечный поход в духе «шагай и очищайся».

Кайр хмыкнул:

– Местами – тише, чем кладбище. Здесь даже мысли звучат слишком громко.

Тейн кашлянул и пробормотал:

– Особенно если у кого-то мысли крикливые.

– Это был намёк? – прищурилась Нерри.

– Это был отчёт, – вздохнул Тейн.

– Это просто у меня мысли с огоньком, – невозмутимо ответила Нерри, вытаскивая из сумки сухофрукт. – И кто-нибудь, пожалуйста, скажите башне, что внутренний диалог можно вести потише?

– Спасибо, капитан загадочность, – буркнула она и кивнула Рийвену.

Рийвен в этот момент зевнул, обнажив зубы, и фыркнул.

– Он считает, что мы драматизируем, – перевела Нерри с «волчьего».

– Он вообще считает? – удивилась Эльта.

– Иногда. Особенно в час кормления.

Волк молча прошёл вперёд, как будто знал дорогу. Как будто вообще всё знал – просто молчал из принципа.

Башня стояла одна, будто позабыла, что когда-то принадлежала миру. Ни дорог, ни стен, ни намёка на то, что здесь жили. Камень – гладкий, серый, с прожилками, будто тронутыми молнией. И на его поверхности – символы. Прозрачные. Полустёртые. Но в одном из них Эльта увидела: Ser – n—th – I.

Сердце стукнуло дважды – слишком громко. Словно башня услышала и отозвалась.

– Я это видела. Где-то. Или чувствовала.

– Слушай дальше, – сказал Тейн. – Здесь слышат не уши, а всё, чем ты дышишь.

Кайр скрестил руки на груди:

– У некоторых дыхание – это один сплошной внутренний монолог.

Тейн фыркнул:

– Ты просто завидуешь, что в моей голове интереснее, чем в твоей.

Внутри – ступени. Узкие, как дыхание перед слезами. Они поднимались в тишине. Только шаги и дыхание Рийвена. Воздух становился гуще с каждым витком.

На одном из поворотов Эльта вдруг остановилась:

– Я только сейчас поняла. Мы лезем вверх, чтобы... помолчать?

Кайр пожал плечами:

– Не всё можно крикнуть. Иногда самое важное приходит в тишине.

– А если я в тишине слышу мысли про еду? – невинно поинтересовалась она.

– Значит, ты ещё не готова к просветлению.

– Значит, я точно живая, – пробормотала Эльта и пошла дальше.

Позади раздался голос Нерри:

– Если кто-то встретит просветление по дороге – передавайте привет. И пусть оно прихватит булочку!

На вершине был зал. Пустой. Один круглый зал, выложенный серым камнем. Ни света, ни окон. Только ощущение – будто всё замерло.

Рийвен остался у входа. Эльта шагнула внутрь – и мир стал тише. Не просто звуки исчезли. Пропала тревога. Ожидание. Даже дыхание стало не её, а... частью чего-то большего.

Она села. Оглянулась по привычке – и закрыла глаза.

И услышала. Себя.

Не голос. Не мысли. Суть.

– Я боюсь.

– Я устала.

– Я всё ещё хочу...

Мысли не осуждали. Они звучали и затихали. Как будто башня принимала её такой, какая она есть. Или она – принимала себя.

Спустя неведомое время она открыла глаза. Камень под ладонями был тёплым. Башня не изменилась. Но внутри что-то стало... тише. Чище. Как будто кто-то навёл порядок и оставил чайник на плите.

– Пора, – тихо сказал Кайр.

Эльта встала. Губы дрогнули:

– А ты молчаливо талантлив, – усмехнулась она. – С таким набором молчаливых талантов можно устраиваться в библиотекари башни.

– Я стараюсь.

И они пошли вниз. Вперёд. В тишину, в которую теперь можно было не прятаться, а жить.

У подножия башни их ждали Тейн и Нерри. Оба выглядели иначе. Тейн будто сбросил десяток лет – взгляд стал яснее, осанка ровнее. А Нерри, обычно живая и болтливая, стояла молча, с прижатой к груди ладонью. Как будто всё ещё слышала, что сказал ей камень.

– Вы тоже... слышали? – осторожно спросила Эльта.

– Каждый – своё, – кивнул Тейн. – Но главное – теперь тишина внутри не пугает.

Нерри посмотрела на Эльту и вдруг улыбнулась:

– Ты была не одна там, знаешь? Башня помнит всех, кто искал. Ты просто... пришла, когда она была готова ответить.

Эльта кивнула. Что-то в ней действительно стало другим. Глубже. Спокойнее. Меньше спешки. Больше ясности.

И пока они собирались в путь, она подумала: а ведь раньше она боялась тишины. А теперь – благодарна за неё.

Они шли от башни медленно, почти церемониально. Словно не просто уходили – а несли что-то, чего нельзя уронить. Тишина ещё не рассеялась – она оставалась с ними, дышала на затылок.

– Башня не говорит, – заметил Тейн, поправляя ремень с флягой. – Она отслушивает. До самого костного мозга.

– Ну, теперь я точно знаю, что мои кости болтливые, – отозвалась Нерри. – Но, знаешь, они вроде бы впервые меня услышали.

Эльта усмехнулась:

– Потрясающе. Мы пришли в башню, чтобы молчать, и выходим с монологами.

– Это уже диалог, – тихо вставил Кайр. – С собой.

И на какое-то время им больше не нужно было говорить. Они шли.

И каждый шаг был не уходом – а возвращением.

К себе.

Глава 9

Имя, которое прячется

Они вышли к озеру в сумерках – когда день уже не день, а ночь ещё не ночь. Ветра не было. Ни звука. Только вода, будто натянутая мембрана между мирами.

– Это... странно красиво, – пробормотала Эльта. И почти сразу добавила: – Опять какое-то ощущение, будто мне это уже снилось.

Рийвен остановился первым. Его шерсть вздыбилась, но не от страха.

Позади Нерри прошептала:

– Ох, как я не люблю водоёмы, где слишком тихо. Они или волшебные, или в них кто-то живёт. Обычно оба варианта – плохие для причёски.

Волк смотрел на гладь, не мигая. Эльта встала рядом. Остальные остались чуть поодаль – слишком тихо здесь, слишком зыбко.

Она посмотрела в воду. И увидела... себя. Но не так, как рабочим утром, в старой квартире. И не так, как недавно – в броне и с хвостом. Сейчас отражение было... ближе. Настоящее. Лицо то же, но взгляд – старше. Волосы – распущенные, развевающиеся от несуществующего ветра. А рядом – будто мелькнул силуэт волка.

Она вздрогнула.

Вода дрогнула вместе с ней. И на её поверхности проявилась надпись. Странная. Изломанная. Слово кто-то пытался вспомнить слово, которого не говорил тысячу лет.

– Что это?..

Она не знала. Но внутри откликнулось. Что-то тёплое, упрямое, как внутренний голос, который слишком долго молчал.

– Я здесь, – прошептала она. Не как магия. Не как вызов. Как напоминание себе.

И тогда – всплеск. Позади, в зарослях.

Рийвен рванулся. Эльта едва успела выхватить нож.

Из кустов вывалились двое: ферраны, но странные. Глаза стеклянные, движения рваные. Как будто ими кто-то управлял. Один бросился на Эльту, второй – на Кайра, который подоспел с другой стороны.

– Засада?!

– Не знаю, кто они, – бросил Кайр, – но они не сами по себе!

Эльта пригнулась, ускользя от удара. Земля под ногами словно шептала ей, где наступить. Волк прыгнул, сбив одного нападающего в сторону. Эльта развернулась и ударила. Не в сердце – в точку, где почувствовала разлад.

Фигура замерла. Потом рассыпалась в прах. Слово была не плотью, а песочной оболочкой.

– Иллюзии? – спросила она вслух. – Или что-то хуже?

Остался один. Он завыл. Не от боли. От злости. Или страха. Потом – исчез. Ветер поднялся. Озеро вновь стало гладким.

Эльта стояла, тяжело дыша. В её ладони всё ещё дрожал нож.

– Я здесь, – повторила она. Уже громче.

И озеро, кажется, согласилось.

Плеск воды стал глубже. Эхо шороха пробежалось по поверхности, как будто кто-то невидимый провёл ладонью по её границе. Из глубины начали подниматься мерцающие образы – не лица, не сцены, а ощущения. Тепло первого признания. Острота боли, когда не услышали. Радость от глупого, но своего выбора.

Эльта замерла. Это не были её воспоминания буквально – но они отзывались внутри. Как если бы озеро помнило то, что она сама оттолкнула. Забыла. Или не приняла.

– Так ты и есть... моё зеркало, – прошептала она.

Озеро дрогнуло. Из глубины поднялся один-единственный лист. Серебристый. С тонкой прожилкой по центру. Он лёг у её ног, как знак. Она наклонилась и осторожно взяла его в ладонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.